

The background of the entire image is a repeating pattern of teal diamonds. Each diamond is formed by two overlapping squares, creating a grid of smaller diamonds. The pattern is consistent across the entire page.

Елена Тихонова

**Случайных
встреч
не бывает...**

Елена Тихонова

Случайных встреч не бывает...

«Издательские решения»

Тихонова Е.

Случайных встреч не бывает... / Е. Тихонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961053-9

Стук в окно глубокой ночью разбудил Веру. Женщина прислушалась: за стеной шуршал дождь, который начался с вечера.— Кого это принесла нелёгкая? — буркнув про себя, Вера встала с кровати. В темноте она не сразу нашла стоптанные шлепки, накинув на плечи пуховую шаль, подошла к окну. За стеклом маячил неясный силуэт, он шевельнулся и снова постучал в окно. Вера включила свет и пошла в коридор, отпереть дверь.— Кто это там полночищает? — спросила она сердито.— Бабушка, открой...

ISBN 978-5-44-961053-9

© Тихонова Е.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Случайных встреч не бывает...

Елена Тихонова

© Елена Тихонова, 2019

ISBN 978-5-4496-1053-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Тихонова

ГЛАВА 1

Стук в окно, глубокой ночью, разбудил Веру. Женщина прислушалась: за стеной шуршал дождь, который начался с вечера.

– Кого это принесла нелёгкая? – буркнув про себя, Вера встала с кровати. В темноте она не сразу нашла стоптанные шлепки, и накинув на плечи пуховую шаль, подошла к окну. За стеклом маячил неясный силуэт, он шевельнулся и снова постучал в окно. Вера включила свет и пошла в коридор, отпереть дверь.

– Кто это там полуночничает? – спросила она сердито.

– Бабушка, открой, пожалуйста. Это я, Настя...

Женщина зашпорила, прищемила палец крючком, но справившись с волнением, открыла: на крыльце стояла хрупкая девушка, прижимая к себе клетчатый свёрток. Карие, заплаканные глаза смотрели сквозь длинные ресницы на Веру. Всплеснув руками, женщина воскликнула:

– Настенька, внученька, да как же так, ты что же это не сообщила, что приедешь? Я бы Ваньку попросила, чтобы встретил тебя. Заходи, заходи быстрее, промокла под дождем, сейчас согреешься, ножки попарим, чайку с липой попьешь.

Обернувшись к девушке, Вера замолчала. Внучка, зайдя в дом, прислонилась к стене и медленно сползала на пол. Женщина метнулась к девушке, подхватив ее у самого пола, прижала к себе и повела в другую комнату, где была кровать. Свёрток, что был в руках девушки, вдруг дернулся и разразился детским плачем. От неожиданности, Вера чуть не уронила внучку...

Справившись с собой, она довела девушку до кровати, откинула покрывало, разложила подушки и помогла лечь на постель. Ребенок плакал все громче, но Настя уже спала и не реагировала на его плач, женщина разжала руки внучки, взяла малыша и вышла с ним в другую комнату. Развернула одеяло и замерла: мальчик, месяцев двух от роду, перестал плакать и смотрел на Веру влажными глазенками. Внучка, заснувшая в другой комнате, что-то пробормотала во сне, с всхлипом вздохнула и затихла.

– Как же устала, моя девочка, и не слышит, что мальчик плачет. Мамка твоя, – обратилась женщина к ребенку, – вот она какая, не сообщила, что едет, а мы бы вас встретили, не пришлось мокнуть... Сейчас, сейчас маленький, я тебя накормлю, перепеленаю, мокрый такой ты? О чем думала мамка твоя? Нельзя, с таким маленьким мальчиком по ночам бродить, да ещё под дождём.

Разговаривая с ребенком, Вера поставила на плиту чайник, из холодильника достала молоко, подогрела. Взяла из стопки на диване, чистое полотенце, в теплой воде вымыла малыша и завернула его в мягкую ткань. Ребенок не плакал, только слегка всхлипывал, пока Вера его купала и пеленала. Намочив уголок чистого платка в теплом молоке, она попыталась накормить ребенка. Мальчик с жадностью взял в рот самодельную соску, и принялся ее посаживать. Спустя некоторое время, он наелся и заснул. Вера подошла к спящей внучке, аккуратно положила ребенка на подушку у стены, посмотрела на Настю.

Внучка крепко спала, прижавшись щекой к подушке, лишь чуть вздрагивали влажные ресницы. Худенькие плечи и тоненькие руки... кожа да кости.

– Что же случилось такого, внученька, что ты будто высохла вся? Видно не сладко тебе пришлось, если похудела так, что кости выпирают. И что произойти – то могло?

Она не стала раздевать девушку, а расстегнув платье, внимательно осмотрела грудь внучки.

– Нет, видимо, грудью она не кормит. И что за мода пошла, не кормить, не то, что раньше? Грудь дашь ребенку, пососал и дальше спит. Ничего искать и греть не нужно.

Мельком взглянув на часы, Вера пошла на свой диван, спать. Накинула на себя одеяло, поправила подушку, легла. В комнате тихонько тикали ходики, за окном шуршал дождь, но сон не шёл. Только сейчас, когда Вера улеглась на постель, осознала, что ее внучка пришла к ней ночью, в дождь, да ещё с маленьким ребёнком.

Внуки редко навещали Веру, но она всегда была в курсе всех событий, что случались у них в жизни. Дети, сын и дочь, жили в городе, но приезжали к матери часто, привозили продукты, помогали в огороде.

Михаил, сын Веры, занимался ремонтом, косил траву в саду. Все мужские дела лежали на его плечах, так повелось, с тех пор, как умер муж Веры, Петр.

Дочь, Людмила, помогала в огороде, когда приходилось высаживать, полоть, окучивать. Огород был большой, и заготовки делали на всех.

Внуки бывали очень приезжали редко. Саша с Толей, сыновья сына Михаила, жили на Севере, в городе с непонятным названием Нарьян – Мар. Во время срочной службы, познакомились с девушками, остались на постоянное жительство. Невесты внуков были из местных, сестры-погодки. Сами внуки, близнецы, и хорошо, что жены у них разные были: одна светлая, другая тёмная. Сейчас молодые семьи ждут прибавления, хоть бы не близнецы родились, а то Михаил и Валентиной с мальчишками в детстве помучились. Усмехнувшись, Вера подумала, сколько было их, забавных случаев, когда мальчишки менялись одеждой, а родители путали их. И прошло время, пока научились они различать своих детей...

Настя, была прошлым летом, когда на летние каникулы в родной город приезжала. Они, с Людмилой, неделю прожили у Веры. Ходили на речку, купались, в огороде помогали, делали заготовки на зиму. Настя была веселой, много смеялась, шутила. Вера, глядя на неё, радовалась, что девушка выросла, похорошела, стала красивой.

Но, перебивая приятные воспоминания, перебила настойчивая мысль: «Настя пришла с ребёнком. Откуда он взялся? Людмила с Михаилом были на прошлой неделе. И дочь не говорила про беременность Насти. А может, скрывали? Да, нет... Никогда не смогла бы Людмила скрыть от Веры такую новость, а Настя была скромной девушкой, на парней не обращала внимания, учёба у нее была на первом месте. Но ребёнок-то есть! Мальчик, и он здесь, спит в другой комнате, рядом с внучкой.

Раздумья перешли в сон, Вера заснула. Но, спала ли она, и просто забылась в воспоминаниях, которые пошли в ее голове, будто потоком...

Вот она, молодая девушка, идет по тропинке у реки, а навстречу ей шагает Петр, с седыми висками, но красивый, крепкий мужчина. Встречается Петр с Верой на тропинке, улыбается и спрашивает ее:

– Вера, а ты замуж за меня пойдешь?

Сон перескочил на свадьбу Веры: она молоденькая девчонка, семнадцати лет и рядом ее Петя, зрелый мужчина и наполовину седой. Гости веселились, кричали им: «Горько», они с Петром целовались. От счастья Вера улетала и парила в свадебном платье над землей, а ее муж бежал за ней по земле и кричал:

– Осторожно, упадешь...

Сон снова перескочил: Вера выходит из дверей больницы, со своим первенцем Мишей, на руках. На крыльце стоят, счастливый муж, еще живые, мать с отцом, родные радуются рождению ребенка, они идут домой, где накрыт праздничный стол. А потом пришла подруга, Нина, с заплаканными, печальными глазами.

– Нин, ты что? Завидуешь что ли?

Подруга, улыбнулась сквозь слезы, ответила:

– Тебе только восемнадцать, и уже ребенок, а мне скоро двадцать. И никто замуж не зовет... – и зарыдала так громко, что в комнату вошел Петр. Он обнял Нину за плечи и стал ее успокаивать:

– О чем плачешь-то, Нина? Мы тебе такого жениха найдем, все завидовать будут, – нагнувшись к детской кроватке, спросил у лежащего ребенка. – Верно, я говорю, сынок?

Сон опять заскакал. Вера с Людмилой на руках... Похороны отца... Потом женщина стоит у двух могильных крестов. Мать ушла следом за отцом... Свадьба Михаила... Проводы сына в армию... Рождение внуков... Она тогда молодая и в ее косе нет седины. А рядом постаревший Петр... Снова сон перескочил: пришла беременная Нина, села, молча, на стул и, и взглянув на Веру, заплакала.

– Что? – одними губами спросила Вера.

– Петя умер...

Вера, в черном платке, рядом с ней, дочь Людмила и сноха Валентина. На улице играют и смеются близнецы, мальчишки по 9 лет, слышен голос внучки Насти, а в окне мелькнул силуэт.

– Петя? – встрепенулась Вера.

Зашел в комнату Михаил, который был во дворе.

– Мам, нам собираться надо в дорогу, завтра на работу. Ты как, одна, справишься?

Вера поднялась, пошла на кухню и, упав на стул, на котором за столом раньше сидел ее муж, расплакалась.

Затопали торопливые шаги, вбежала пятилетняя внучка, обняла расстроенную женщину за плечи, вытерла слезы ладошками и зашептала на ухо:

– Бабушка, не плачь. Я скоро вырасту, выйду замуж и рожу тебе внука, другого Петра. И ты будешь любить его, как дедушку. Не плачь, бабушка...

Неожиданно в сон-воспоминание ворвался детский плач. Вера встрепенулась, подскочила на диване. Плач, разбудил Настю, и женщина, подойдя к кровати, услышала, как держа ребенка на руках, Настя тихо запела:

Баю – баюшки, баю,

Не ложися на краю,

Придет серенький волчок,

Схватит Петю за бочок...

Услышав имя Петя, Вера поняла что ребенок, действительно Настин сын. В памяти всплыл давний разговор, который так ясно приснился ей сегодня. Вера тогда только что похоронила мужа, и у нее все валилось из рук, глаза были на «мокром месте» и женщина, расплакавшись, сидела на кухне. Прибежала Настя, обняла ее за плечи, ладошками вытерла слезы и зашептала на ухо:

– Бабушка, не плачь. Я вырасту и рожу тебе другого Петра. И ты будешь его любить, как нашего дедушку. Не плачь, бабушка...

ГЛАВА 2

Словно испугавшись, Настя обернулась, увидев, что Вера стоит рядом, попыталась улыбнуться, но снова заплакала. Захлебываясь слезами, девушка хотела рассказать что-то Вере, но у неё ничего не получалось. Женщина шагнула к кровати, присела на ее край, прижала внучку к своей груди и стала её успокаивать.

– Что так плакать-то? Мальчишка не успокаивается, видно понимает, что тебе тяжело. Не надо, не плачь, девочка моя, я здесь, с тобой, и не дам тебя в обиду, а ребёнка мы поднимем. Наш воздух деревенский, свежий, не то, что у вас в городе. Помнишь, как в детстве, вы ко мне приезжали, за лето поправлялись, щеки, будто клюквой мазаны были, глаза блестели. Братья твои, Санька с Толькой, как любили на рыбалку с дедом ходить, а ты, за ними хвостиком бегала, да в лодке пряталась. Помнишь?

Настя всхлипывала, кивала головой, тряс о грудь Веры, слезы перестали течь потоком, она только всхлипывала, а ребенок, пригревшись между их телами, заснул. Вера продолжала говорить:

– Малыш подрастет, мы с тобой внученька ходим к соседу нашему Ваньке, попросим, чтобы на рыбалку мальчишку с собой брал. А мы с тобой будем рыбку чистить, да жарить. Ты, девочка моя, поспи ещё, а я пойду во двор кур покормлю, да козу Машку подою, и на пастбище выведу. Хорошо, что не продала ее. Как просила меня Ленка Мохова, чуть не на коленях стояла, продай, упрашивала, а я уперлась, хотя и трудно Машку-то на веревке водить туда – сюда, а все же своё молоко. Да и мамка твоя приезжает, с собой молочко да творожок берет. А Мише, тому не навяжешь, он говорит, что Валентина все равно ничего делать с молоком не будет. В магазине покупают, молоко-то, гребует козьим. И чего они там купят? Магазинное молоко, с деревенским не сравнить.

Почувствовав, что девушка расслабилась у нее на груди, Вера, забрала у Насти ребёнка, уложила его на подушки, предварительно положив кусок клеенки под попку, накрывала заснувшую внучку и правнука одеялом, пошла на улицу.

На улице было сыро, на траве и деревьях блестели капли воды, ночной дождь оставил обильную росу.

Выйдя на крыльцо, Вера едва не споткнулась о две большие сумки.

– Настины, – догадалась женщина, схватила их за ручки, занесла по одной в дом. Поставила сумки у стены, нагнувшись, раскрыла одну из них: там были внучкины вещи. Открыв другую сумку, Вера улыбнулась и стала перебирать одежду малыша: пеленки, чепчики, распашонки. В сумки были бутылочка, соска, несколько упаковок с детской смесью, на картинке коробок которых был нарисован улыбающийся карапуз. Разбирая вещи ребенка, она наткнулась на пакет с документами. В пакете были: Настин паспорт, ее студенческий билет, пропуск в общежитие и свидетельство о рождении ребёнка.

– Осипов Петр, – прочитала Вера, отчества не было, – 22 мая 20... года рождения. Правильно, сейчас июль, два месяца почти. Мать – Осипова Наталья Петровна, отец – прочерк. – Вера, не веря своим глазам, еще раз перечитала... – Странно, а почему Осипова, да ещё Наталья? А моя Настя здесь причём, это же ее ребенок? Если это свидетельство мальчишка, то выходит, что Петя не Настин ребенок?

Вера бросила взгляд на кровать, внучка спала, одной рукой обнимая малыша. Женщина присела на диван и задумалась.

– Чей у Насти ребёнок? Откуда он мог у неё появиться, и как девушка оказалась в деревне? Ночью, в дождь, не могла Настя дотащить эти две сумки, когда на руках был маленький ребёнок. Выходит ее кто-то подвез до двора на машине, потому что, самостоятельно, она вряд ли донесла такую тяжесть от остановки?

Положив детские вещи и документы обратно в сумку, женщина метнулась во двор и добежав до калитки, вышла за ворота: там был виден размытый след от машины.

– Вот и ответ на мой вопрос, что ее кто-то подвез. А кто, попробуй-ка, догадайся. Во что Настя влипла, если ее по ночам подвозят, а на руках у нее чужой ребёнок? И сама она выглядит так, будто долго голодала, так похудела, что почти прозрачной стала. Стану надеется она то, что когда проснется, то все мне сама объяснит.

Разговаривая сама с собой, женщина пошла за ведром: нужно подоить козу, Машку, отвести ее на пастбище и покормить кур. Пока Вера делала привычные дела, разные мысли металась в голове, но они все были об одном и том же: «Чей ребенок сейчас лежит на кровати, рядом с внучкой? Почему Настя его привезла сюда, а не поехала в город, к Людмиле? Она же мать родная, разве не поняла, не приняла дочь с ребенком на руках, что ли? Никогда бы Людмила не выгнала дочь, потому что ребенка родила без мужа. Да о чем я это думаю? Это же не Настин ребёнок, а может быть все же ее? Нет, Вера, тебе нужно успокоиться, скоро Настя проснется, и все объяснит».

Когда Вера все сделала во дворе и зашла в дом, было около 8 часов утра. Настя уже проснулась и хлопотала на кухне. Закипал чайник, и что-то булькало в кастрюльке. На столе стола тарелка с нарезанным хлебом, бокалы и заварочный чайник.

– Да ты ж моя, хозяйюшка, – воскликнула Вера.

Настя, услышав голос бабушки, резко обернулась к женщине лицом и ложка, которую она держала, упала на пол. Всхлипнув, девушка подбежала к Вере, обхватила ее руками и уткнулась в грудь.

– Бб-ба-бушка, не ругайся, пожалуйста, просто я больше не знаю, куда мне идти. Он меня ищет.

– Кто ищет?

– Ии Игорь...

– Какой еще Игорь? Зачем ему тебя искать? Не плачь, хватит реветь. Садись, чаю поьем, успокоимся и ты расскажешь по – порядку, что случилось.

Настя, всхлипнув несколько раз, вытерла слезы и улыбнулась. Вера сняла с плиты кастрюлю с картошкой, слила воду, укутала ее полотенцем. Налив из чайника кипятку в стоящие на столе бокалы, она привстала на цыпочки, из шкафа достала вазочку с конфетами и пакет с мятными пряниками, которые любила внучка.

Пока Вера ставила на стол конфеты и пересыпала на тарелку пряники, успокоившаяся Настя подлила в бокалы заварку. Схватив с тарелки пряник, Настя приступила к чаепитию, но сделав глоток чая, вскочила.

– Ой, баб, подожди. Я же блюдце забыла.

Вера очень любила пить чай с блюдца, хотя Петр смеялся над этим, называл причудой.

– Ты моя Причуда. Опять чай с блюдца пьешь.

Причуда, так ласково он называл Веру.

Настя ела пряники и запивала из бокала чаем, а Вера соблюдала свой ритуал. Она налила чай на блюдце, подносила его ко рту и с наслаждением, вдыхая запах душистых трав, закрывая от удовольствия глаза, пила чай мелкими глотками.

Допив чай, Настя отставила в сторону бокал, искоса посмотрела на Веру, и тяжело вздохнув, произнесла:

– Бабушка, ты меня извини, что я к тебе приехала с Петей, но мне больше некуда было идти. Степка меня две недели у себя скрывал, а до этого я жила у Светы, но там он меня быстро нашёл...

– Настя, объясни мне все по порядку: кто тебя нашёл и от кого ты бежишь? Нет, подожди, чей это ребёнок? Если твой, то почему у него фамилия Осипов, если ты Веселова?

– Бабушка, это не мой ребёнок, а моей подруги Наташи. Она родила Петю, но сама лежит в больнице. У нее после родов осложнения, она раньше срока Петю родила. Какой-то идиот ее сбил машиной, когда она дорогу переходила. Потом ей операцию сделали, я точно не знаю, но кажется ей ещё месяц в больнице лежать. А ребенком быть некому, поэтому я согласилась за ним присматривать. Он такой маленький еще и милый. Наташа назвала его Петей. Ты помнишь, как я тебе обещала внука родить и что Петей его назову...

– Помню, внученька, все помню, но, объясни тогда, какой Игорь тебя ищет?

Настя дернулась и испуганно сжалась, слёзы снова потекли по щекам. Вера открыла рот, чтобы приказать ей успокоиться, но разговор прервал, громкий плач.

Внучка вскочила, подбежала к кровати.

– Ой, а у нас потоп, мы такие мокрые. Баб Вер, давай мы его вымоем, а то я вчера вечером его не купала, а наш Петенька так любит купаться. Мой маленький, мой хорошенький мальчик, сейчас, сейчас тётя Настя тебя искупает, потом накормит, и ты опять будешь сухим и сытым. И будешь спать, будешь спать и расти.

Приговаривая, Настя с ребенком на руках подошла к тазу с водой, поудобнее прижав его к себе, она опустила острый локоток в воду, поморщилась и глазами показала Вере, чтобы та подлила холодной воды. Купая малыша, Настя гладила ему животик, щекотала пяточки, ласково что-то шептала.

– Вот мы и чистенькие, вот мы и чистенькие и сейчас покушаем. Ой, а сумки наши где? Я их ночью на крыльце оставила, они такие тяжелые. Степка не стал во двор заходить, сама тащила их. Подержи Петю, я сейчас занесу.

– Да постой ты, Суэта, не спеши, вон ваши вещи. Утром нашла на крыльце, по-моему там все сухое. Давай малыша одену, а ты смесь разведи. Или ее варить нужно? Может быть, мы Петю молоком покормим, Настя? Я ночью его молоком козьим кормила, ел с удовольствием.

Настя обернулась.

– Как молоком? А разве ему можно?

– А почему нельзя – то? Ты какая деваха была в детстве, что Людмила чуть грыжу не заработала. В восемь месяцев 15 килограмм весила.

Настя сдавленно спросила:

– Я была такой толстой?

– Какой толстой? Упитанной ты была. Молоко козье пила, пряниками мятными закусывала.

– Ну, ты, бабушка, скажешь тоже. Не могла я в то время пряники есть, потому что маленькие пряники не едят.

Вера весело рассмеялась

– Настя, извини, я пошутила, не было в тебе 15 килограмм. У тебя аллергия на коровье молоко, а козу я завела как раз в тот год, когда ты родилась. Людмила, мама твоя, на работу вышла, когда тебе 4 месяца исполнилось. Ей должность предложили, завуча, а ты маленькая была, вот и кормили тебя молоком.

Настя с сомнением посмотрела на Веру, подумала и сказала:

– Давай попробуем. А то у Пети прыщики какие-то на попе появились, может они от смеси.

В четыре руки, Вера с внучкой быстро накормили мальчика. Ребёнок с удовольствием потягивал молоко, а наевшись, заснул.

– Скоро он не будет так много спать, – сказала Вера.

– Почему?

– Вырастет и станет меньше спать. Настя, давай уберем воду и пеленки нужно сполоснуть. Ты повесь их рядом с баней, там веревка есть. А потом договорим.

Настя быстро постирала детские вещи, выполоскала и побежала вешать их на улицу. Вера убрала со стола, вымыла посуду.

Хлопнула дверь, внучка зашла в комнату.

– Настя, объясни мне самое главное. Почему тебя все прячут? От какого Игоря и кто он?

Настя набрала в грудь побольше воздуха, и начала свой рассказ:

– Игорь, он отец Пети. Сейчас Петя стал ему нужен, а когда Наташка забеременела, он сказал, что ребёнок ему не нужен. Кинул ей деньги на стол, чтобы она аборт сделала. Наташка тогда целую неделю редела, а потом слёзы вытерла и сказала, что у ребёнка, отца не будет. А Игорь, когда узнал, что Наташа родила, лежит в больнице, и что Петя у меня, пришёл. Он мне сказал, что если он отец, то станет сам воспитывать своего сына. Если бы Наташа была в общежитии, она бы его остановила. У неё дед генерал, которого Игорь очень боится. Правда дед Наташин ещё не знает, что она в больнице, он в Сибири сейчас, на каких-то испытаниях, а когда вернётся, быстро Игоря на место поставит и покажет ему, где раки зимуют...

– А ты почему от него бегаешь, от Игоря? И прячешься? Там в свидетельстве нет записи, что он отец.

– Свидетельство можно переписать, а у Игоря мать в ЗАГСе работает и у неё связи.

– Что же нам с этим всем делать? Будем думать. Ты сходи за хлебом, а я за Петей пригляжу.

– Баб, а мне нельзя на улицу выходить.

– Это ещё почему, пусть только сунется сюда этот Игорь. Ему Ванька все ребра пересчитает.

– Баб, меня милиция ищет.

– Господи, Настя, ты ещё что натворила? – Вера тяжело села на стул.

У Насти снова по щекам покатились слёзы.

– Я Игоря по голове ударила. Когда он Петю пытался забрать. Вазой... с цветами...

ГЛАВА 3

Услышав слова внучки, Вера побледнела и замолчала, а Настя зачастила:

– Бабушка, у меня другого выхода не было, только ударить. В то время, я у Светы жила, вернее пряталась. Когда Игорь пришёл в общежитие и устроил скандал, я быстро собрала вещи и Света перевезла меня к себе. Если бы Петю девчонки в соседней комнате не спрятали, то Игорь его ещё бы из общежития забрал. Он так кричал, я боялась, что Петя проснется и заплачет, но маленький, такой молодец, молчал. Света все слышала, как он, крича, и пригласила меня к себе, у нее своя комната, родители ей квартиру снимают, мы и подумали, что там он нас не найдет. Игорь меня через три недели нашел, может быть, кто-нибудь сказал ему. Я сидела, тихо, как мышка, Света сама все для Пети покупала, я даже в магазин не выходила, но в последний день, предчувствовала, что он нас найти может, сумку небольшую наготове держала. Когда Игорь пришел, я услышала, как хозяйка с ним разговаривает, а Петя проснулся и заплакал. Игорь хозяйку оттолкнул и в комнату ворвался, Петю у меня из рук вырвал и повернулся с мальчиком к двери, а я вазу взяла со стола и по голове его ударила. Сумку с вещами схватила и с Петей на улицу выскочила, только там машина стояла, и в ней Славка сидел, друг Игоря. Я дорогу перебежать стала, машина проезжавшая остановилась, парень, что за рулем сидел, затормозил. Я к нему в салон села, а Славка уже подбегает. Я парню кричу: «Поехали», он послушался, а по дороге мы познакомились с ним. Степка в соседнем хуторе живет, я две недели у него в старом доме, что от бабушки остался, жила. После того, как Светка привезла наши вещи, я упростила его к тебе отвезти. Игорь к Свете несколько раз приходил, говорил, что все равно узнает, где я прячусь.

– Подожди, но так нельзя, как Игорь объяснил все? Ведь он же до этого знал, что Наташа ждет от него ребенка и деньги ей на аборт давал.

Настя перебила женщину:

– Не стал ничего Игорь объяснять, он не тот человек. В общежитии, я к экзамену готовилась, а девчонки, Петю к себе унесли, чтобы не мешал. Игорь ворвался в комнату, начал орать: я отец, имею право воспитывать своего ребёнка, что Наташа его обманула и не сказала, что беременная. Он все врет, бабушка, я присутствовала при этом разговоре, вернее зашла, когда он деньги на стол бросил и так презрительно сказал: «Ты думаешь, что я тебя люблю? Да я тебя никогда не любил, со Славкой поспорил, что пересплю с тобой. А ты оказалась такой дурой, что поверила мне и сама же за мной бегала. А то, что беременная? Это ещё нужно доказать, что от меня». «Игорь, пожалуйста, перестань, ты же знаешь, что у меня кроме тебя никого не было. Я только тебя люблю», – рыдала Наташа. «Пошла ты со своей любовью. Таких дур, как ты, я за пятак на любом углу сниму. Любит она меня, смешно даже. Бери деньги, они тебе пригодятся, потому что я, добрый. Пока не поздно, беги в больницу и делай аборт, а как сделаешь, то звони, покувыркаемся с тобой. Ты в постели ничего, выучил я тебя, теперь способная девочка. Да что и говорить, это же моя школа».

Сказав это, Игорь кинул на стол деньги, пошел к двери и при этом он меня едва не сбил с ног. Я там стояла и все слышала. «Ого, и подружка нагрязнула. Что, Недотрога, а хочешь, я и тебя научу, как мужиков любить надо?»

Но я его оттолкнула и к Наташе пошла, которая на кровати плакала. Игорь в коридор вышел, и громко рассмеялся.

Наташа долго плакала, она рыдала, тряслась вся. Я ее успокаивала, говорила, что все будет хорошо, только она не слушала меня и продолжала лить слёзы. Девчонки наши ее уговаривали, но, она вдруг вырвалась из наших рук, схватила деньги, порвала их, и снова на кровать упала. Целую неделю ревела, даже во сне всхлипывала. Вся опухла от слез, не мылась, из комнаты только в туалет выходила. Что я только не делала: и уговаривала, и ругала ее,

да и девчонки наши пытались ее уговорить, но ничего не помогало. А потом Наташа замолчала, вытерла слёзы, проговорила: «У моего сына не будет никакого отца, только мама. И дедушка»...

– Помнишь, бабушка, я тебе говорила, что дед у Наташки генерал. Его Григорием Николаевичем зовут, он Наташку воспитывал и не старый совсем, где-то за шестьдесят ему, почти твой ровесник. Такой из себя высокий мужчина, подтянутый. Когда родители у Наташки погибли, он к себе ее взял, в то время у нас, здесь в городе жил. С ними сестра его жила и ее как тебя звали, Вера, Вера Николаевна. Она помогала деду Наташи, потому что он военный и по командировкам часто уезжает. Наташке, когда родители погибли, всего 5 лет было, маленькая совсем, родителей почти не помнит. Вера Николаевна долго болела и в прошлом году умерла. Наташа ее очень любила, когда она умерла, плакала, и Григорий Николаевич переживал сильно. Он приезжал к нам в В... и Наташа нас с ним познакомила. Когда он меня увидел, то спросил, как моя фамилия, а я ответила, что Веселова. Григорий Николаевич помолчал немного и задумчиво сказал, что я напоминаю ему девушку одну, он знал ее еще давно, в молодости. Он и та девушка в одном купе два дня вместе ехали.

Настя перевела взгляд на бабушку и замолчала, потому что Вера, задумчиво смотрела в окно.

– Бабушка, ты меня совсем не слушаешь.

– Да, слушаю я тебя, слушаю. А как фамилия у твоего генерала?

– Осипов, Осипов Григорий Николаевич. А что?

– Ничего, внученька, все хорошо, задумалась немного. Нам нужно решить, что делать дальше. Ты говоришь, что на улицу тебе нельзя, потому что боишься, тебя кто-то увидеть может и в милицию сообщит? Но у нас люди в хуторе хорошие, никогда не выдадут своих. Если беда случится у кого, то все «горой» станут, только позови.

– Он, Игорь, на меня заявление написал в милицию и в больнице освидетельствование сделал, у него даже и свидетель есть: Славка, друг его. Этот Славка не был с нами в комнате, на улице Игоря ждал, но в свидетели попал. Быстрее бы Наташу выписали или Григорий Николаевич приехал. Я ему два месяца дозвониться не могу, на мои вопросы, где он, отвечают, что отбыл в командировку. Он пока не знает, что у него внук родился, вернее правнук. Наташа в июле должна была родить, он обещал приехать. Мы с ней радовались, что экзамены успеем сдать, и тогда малыш появится. Бабушка, ты опять меня не слушаешь.

Вера, отвлеклась от разговора, смотрела в окно. Настя залюбовалась своей бабушкой: какая баба Вера красивая и молодая еще женщина. Ей пятьдесят восемь лет недавно исполнилось, но выглядит лет на пятьдесят или чуть больше. Бабушка была невысокой и худощавой, с лицом, на котором было несколько морщинок в уголках глаз, почти незаметных, а самым главным достоинством женщины, была коса, густая, тяжёлая. Смолodu Вера носила одну причёску – коса вокруг головы, как корона. Только в молодости женщина была белокурая, с годами потемнела, стала пепельной, вернее в волосы вплелись седые прядки. Настя, с раннего детства мечтала, чтобы у неё были светлые волосы, голубые глаза и коса, как бабушки. Девушка была очень похожа с Верой внешне, но с карими глазами и темноволосая. Косу Настя себе отпустила, но распускала ее, вдоль спины. Когда она в институт поступила, все девчонки завидовали Настинной причёске. Немало парней пыталось подружиться с Настей, но девушка была с ними дружелюбна, и только. За это прозвали ее Недорогой. Сначала Настя обижалась на прозвище, а потом привыкла к нему. Она упорно шла к своей цели в жизни, получить образование и стать учителем, как её мама.

Заплакал ребенок, и они замолчали: Настя взяла мальчика на руки, зашептала что-то, а Вера, встав со стула, сказала:

– Настя, оставайся пока в комнате, а я пойду в магазин схожу, за хлебом. Справишься?

– Бабушка, я уже почти два месяца с Петей, вернее с 10 июня. Его выписывали из больницы, Наташа написала расписку, чтобы ребёнка мне отдали. Баб Вер, а меня, наверное, отчислят из института, потому что сессию завалила. Ни одного экзамена не сдала, с Петей от Игоря пряталась.

– Настя, не переживай, все уладим. Людмила с Михаилом завтра должны приехать и что-нибудь придумаем. Ты покорми мальчишку-то, ох и глазастый парень у нас растёт. А кулачок сосёт, видимо есть хочет.

Настя стала возиться с малышом, а Вера, взяла деньги и сумку, вышла на улицу.

Постояла немного на крыльце, обернулась в сторону речки: как там ее Машка? Такая вредная коза у нее была, Веру слушается, но мужчин не любит. Может и рогами ударить противоположный пол, и укусить исподтишка. Поэтому Вера сама за ней смотрела. Ванька Кумов, Нинин сын, несколько раз пытался помочь, но коза парня не слушалась, кусала и пыталась ударить рогом. Терпела козу Вера из-за молока; и самой хватало, дочь в город брала, да и соседи покупали. У Кумовых недавно Оксана родила, грудью кормит, а молока мальчишке не хватает. Покупали они молоко у Веры, чтобы прикормить внука. Вера по-соседски, не хотела брать денег, Нина Кумова, была ее подругой, ещё с детства. Но та ей сказала:

– Верка, ты гордость-то отбрось, деньги небольшие, но пригодятся. Ванька наш и рыбу ловит, и на базаре мебелью торгует, не последние они, деньги-то. Ты посмотри, время какое пришло, раньше молока коровьего в бутылку нальешь, Ваньке сунешь соску в рот, сосёт, да улыбается. А сейчас ребенку только козье молоко подавай. Твоя Машка как, скоро приплод-то будет? Козочку мне дашь, я ее выпою, будет нашему Даньке вторая мамка. У Оксанки молока мало, а внучок мой богатырем растёт, ест за двоих. Сама понимаешь, что не в кого ему маленьким быть, они молодые мои, и Ванька, и Оксанка, вон какие, чисто дубки.

Саму Нину Бог тоже ростом не обидел, выше Веры почти на целую голову была, а муж ее, Иван, был росточка небольшого, жене своей чуть повыше плеча. Он Нину никогда не обижал, любил ее сильно и как-то по-особому ее ревновал. Эта ревность он проявлял так, что временами даже смешно становилось. Раз в неделю, Иван, многим на радость, устраивал «разбор полётов». Выпивку, он всегда называл мероприятием, и мероприятия были у Ивана по пятницам. Другьям и соседям муж Нины говорил: «Смываю недельный застой». В деревне Иван слыл за мастера золотые руки, всю неделю он работал, вставал чуть свет, ложился поздно, за неделю очень уставал и по пятницам расслаблялся. «Нужно мне шлак прочистить, а то поднакопился», говорил Иван продавцу, когда вечером в магазине, покупал литр водки. Придя домой, мужчина садился за стол, ставил перед собой бутылки, два стакана, тарелку с солёными огурцами, отрезал кусок хлеба. Налив в стаканы водку, Иван говорил: «С почином, мать», стучался своим стаканом о стоящий на столе стакан и лихо опрокидывал спиртное в рот. Похрустит огурцом, кинет в рот кусочек хлеба и начинает говорить:

– Ты, Нинка, опять с Пашкой вчера разговаривала? Зачем ты, жена моя дорогая, с этим придурком общаешься? О свидании у реки нашей договорились вы с ним? Дождешься, женушка, возьму я свой ремень, да вдоль спины тебя отхожу, чтоб только на мужа смотрела, только с мужем на речку гулять ходила...

Сказав свою речь, он наливал в стакан водку, стучался этим стаканом о стоящий другой стакан, выпивал, закусывая огурцом с хлебом и продолжал:

– Ты, Нинка, в среду с Митькой Свиридовым здоровалась? Снова он к тебе клинья подбывает, все ему своей Машки мало, моя жена ему еще нужна. Поэтому, я тебе запрещаю с ним здороваться, – он хлопал ладонью по столу, – запомни, запрещаю. Поняла, Нинка? Смотри у меня, видишь ремень висит, того и ждёт, что я его возьму, да отхожу тебя вдоль спины. Будешь знать, как чужим мужикам глазки строить и кокетничать с ними на улице.

Подобный разговор продолжался до тех пор, пока бутылки не пустели. Иван в течение своего «мероприятия выпивки по промывке внутреннего шлама», перебирал имена всех муж-

чин в округе, которые невольно встречали его супругу в течение всей недели. Когда выпивка заканчивалась, он, покачиваясь, вставал из-за стола, оставляя на нем тарелку с недоеденными огурцами и налитым стаканом, доходил до кровати, аккуратно раздевался и через минуту сладко спал, чуть всхрапывая. Нина, сначала, как поженились, сердилась на мужа, а с годами привыкла к его мероприятиям. Трезвым, муж никогда ее не обижал, всегда старался Нине помочь, а что грозился «проучить» ремнем... Так это было на словах, вернее во время его пьяной речи. Как-то раз, Мохов Семен сказал Ивану:

– Смотри сосед, твоя гулящая идет.

Не смотря на то, что был Семен выше Ивана и тяжелее килограмм на 20, он долго потом ходил с синяками под глазами и распухшим носом.

Нина никогда не убирала со стола остатки трапезы мужа, просто сдвигала все в сторону на край стола. Когда наступало утро субботы, Иван вставал чуть свет, шёл на кухню, выпивал оставшийся стакан, доедал сморщенные за ночь огурцы и черствый хлеб, одевался, выходил на улицу. Мужчина топил баню и парился, смывая с себя похмелье, и к восьми часам утра Иван уже стучал молотком или визжал пилой. Талант столяра проявлялся у него в том, что он, делал красивую мебель: столы, стулья, табуретки, шкафы, кровати. В очереди за его мебелью, люди месяцами ждали, когда Иван сделает им шкаф или кровать. Сам Иван никогда не говорил, сколько стоит его изделие, а люди платили ему столько, сколько считали нужным. Резные ножки кроватей, узоры на дверцах шкафов никогда не повторялись, и покупатели всегда удивлялись этому. А Иван, усмехался в усы:

– Я в каждый стол, шкаф, душу вкладываю, вот и узор получается такой, какой моя душа пожелает...

Умер Иван пять лет назад, когда весной на реке лед сорвало, и щенок маленький на льдине проплывал, скулил жалобно. Иван прыгнул на плывущую льдину, пожалев щенка, до него дошёл по льдинам, а обратно не смог, оступился, льдиной его накрыло. Ребятишки деревенские все видели, но помочь ему не смогли и побежали к дому, где жили Кумовы, с криками.

– Дед Иван тонет...

Ванька, Нинин сын, осенью с армии вернулся и помогал отцу в работе, в это время под навесом во дворе работал, кинулся к реке. Хорошо, что Нина крики детские услышала и за ним прибежать успела, удержала она сына, чтобы в реку не бросился за отцом. Соседские мужики, Григорий Шведов, да Семен Мохов навалились на Ваньку, прижали к земле (попробуй, удержи такого бугая, в нем роста под два метра, да косая сажень в плечах), а Ванька песок руками гребет и кричит:

– Отец, плыви, я сейчас...

Ивана нашли через неделю, ниже по течению, у плотины тело всплыло. Всю неделю Ванька просидел на берегу. Мужики, да парни караулили Ваньку, чтоб в воду не кинулся, а он, сидя на берегу, закутавшись в одеяло, смотрел на проплывающие льдины и изредка повторял:

– Отец, папа, почему ты не выплыл?

Сидящие с ним рядом соседи, время от времени, протягивали ему стакан водки или кусок хлеба с мясом. Ванька молча пил, ел и не отрываясь смотрел на воду... Нина уводила сына домой вечерами, но поспав пару часов, он снова уходил на берег, захватив с собой одеяло. На шестой день мать пришла к сыну, который сидел у реки, сказала:

– Нашли отца...

Ванька, молча, встал, зайдя домой, взял в сарае лопату и пошёл на кладбище, рыть могилу. Мужики соседские подтянулись, помогли. Похоронив отца, Ванька свалился с высокой температурой. Вера вызвала Михаила, он приехал и увез Ваньку в город, где, в больнице, парень пролежал три месяца. Одна тень осталась от высокого сильного человека, ветром от слабости шатало. Оксана, жена Ваньки, тогда в больнице медсестрой работала, она выта-

щила парня из его состояния. Неделями девушка сидела у его кровати: по ночам – вытирая пот, накрывая одеялом; днём – кормя с ложки, ухаживая, обмывая. Только Оксана увидела Ваньку, влюбилась и своей заботой и любовью спасла, выходила. Сама Нина ездила к сыну редко, смерть Ивана пошатнула здоровье женщины. Вера, в то время, почти жила у подруги, успокаивала, ругала, плакала вместе с ней. А когда вернулись домой Ванька с Оксаной, Нина стала потихоньку выздоравливать. Сноху в дом приняла, стали жить дружно. Ванька, спустя время, сказал матери:

– Мам, ты прости меня, что я так себя вел. После смерти отца, что-то во мне надломилось, если бы не Оксана, я бы не выжил. Она меня вытянула с того света и я ей жизнью обязан.

– Ты ее любишь, сынок? – спросила у Ваньки мать.

– Люблю, Оксана для меня все, мама. Ты только не обижайся, тебя я очень люблю.

– На что мне обижаться, я тебе всегда счастья желала. Живите, да внуков рожайте, а я вам, чем смогу, помогу...

Пятый год живут вместе молодые, сын прошлый год родился, Данька.

Вера почти дошла до ворот Кумовых, когда они распахнулась и навстречу вышла Нина.

– Здорово, подруга. В магазин собралась, за хлебом? Вместе пойдём, веселей будет.

– Пошли, а ты как караулила меня.

– Конечно, ждала я тебя, подруженька моя золотая, – Нина обняла свою подругу за плечи. – Слушай, Вера, что за машина у твоих ворот ночью стояла? Я проснулась, фары горят и мотор слышно. Что, ухажер, какой объявился?

– Скажешь, тоже еще, ты Нина. Ухажер. Тьфу, придумашь же. Это Настя моя приехала.

– Так это Настю жених привёз? Ты ж говорила, что у неё никого нет.

– Пристала, так пристала, как банный лист. Завтра, Людмила с Михаилом приедут, заходи и Ваньку с собой захвати, нам посоветоваться нужно.

– Ты чего темнишь-то, говори, что случилось?

– Настя с ребёнком приехала.

– Родила? – ахнула Нина. – А отец кто?

– Да не ее этот ребёнок, подруги, а саму Настю милиция ищет.

ГЛАВА 4

Ничего не успела рассказать Нине Вера, они дошли до магазина и купив хлеб, вышли на улицу. К ним подошла ещё одна соседка, бабка Степанида, которой было глубоко за восемьдесят, но она держала корову, сажала 10 соток картошки, торговала на базаре садовой земляникой, зеленью, овощами. Когда подруги вышли из магазина, Степанида окликнула Нину.

– Соседка, погоди, чего спрошу. Ванька твой, когда поедет на базар-то со своими изделиями, он может меня возьмёт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.